Текст · 16 января 2026, 08:23
Павел Васильев,

«Воют волками». Как изменилась российская полиция за четыре года войны — рассказывают правозащитник и социолог

Война в Украине сильно изменила российскую действительность. Повлияла она и на работу полиции. Социолог Кирилл Титаев и правозащитник Сергей Бабинец рассказали «Медиазоне», что ждет ведомство, когда работать туда придут участники войны, ради чего полицейские едут служить на оккупированные территории и как телефонные мошенники испортили МВД статистику.

МВД жалуется на нехватку кадров: полицейские меняют работу

Кирилл Титаев, профессор социальных наук Факультета свободных искусств и наук (Черногория).

Можно было ожидать, что начало полномасштабной войны достаточно серьезно изменит ситуацию в правоохранительных органах. И в первые месяцы мы действительно замечали некоторые предпосылки для таких изменений. Например, запись в добровольцы отдельных сотрудников полиции для прохождения службы в зоне СВО.

Причем они отправлялись служить не в составе вооруженных сил, а в качестве тех же полицейских в органах, создаваемых на оккупированных территориях. Напомню при этом, что сотрудники

правоохранительных органов имеют бронь от мобилизации и могут сами решать, ехать им служить в Украину или нет.

Однако если мы посмотрим на картину спустя четыре года войны, то поймем, что изменения не столь существенны, даже несмотря на то, что государство стало доплачивать за службу [на оккупированных территориях]. Доплачивать столько, что заработки стали существенно отличаться от заработков обычного правоохранителя. Вскоре полицейские поняли, что эта работа [в Украине] связана с весьма некомфортными условиями — и с существенными рисками гибели или инвалидизации.

Недокомплект личного состава, по данным МВД, наблюдается во многих подразделениях. В ППС он составляет 31%, в подразделениях по контролю за оборотом наркотиков — почти 25%, в уголовном розыске — 23%, в органах предварительного следствия — 22%.

Основной причиной увольнения со службы МВД называет недовольство сотрудников полиции зарплатами.

Сергей Бабинец, глава «Команды против пыток». Причин нехватки полицейских много: скотское отношение начальства к подчиненным, постоянные отчетности, показатели и подмена качества количеством, ухудшающееся социальное обеспечение, связанное с финансированием. Мы знаем случаи, когда полицейские уходили и в курьеры, и в службы безопасности коммерческих

фирм, и в другие места, где прибыльная работа не связана с рисками для жизни.

А в условиях, когда есть работа и проще, и прибыльнее, и спокойнее, люди дорабатывают до пенсии — она у полицейских наступает раньше — и делают ноги.

Если бы причина была только в деньгах, то ее бы давно решили вливанием средств. Но развал полиции — это многофакторная история, которая ускорилась на фоне СВО.

Глобальное последствие при плохой неукомплектованной полиции: в обществе падает уровень безопасности и защищенности.

Некоторые полицейские едут работать в оккупированных городах ради карьерного роста

Кирилл Титаев. Как правило, решение работать на оккупированных территориях связано с карьерным ростом: там проще продвинуться по службе. Кроме того, любой нормальный сотрудник правоохранительных органов понимает, что в ситуации, когда находишься в Украине, контроль со стороны МВД существенно слабее.

В зону СВО может отправиться и сотрудник, склонный к насилию, понимая, что многие вещи будут сходить с рук. Ну и в целом, такая поездка как бы что-то интересное, новое, свежее. Причем

оттока офицеров именно в армию мы практически не наблюдаем.

Можно по-разному оценивать масштабы оттока, но, судя по всему, речь идет о цифрах порядка 12-14 процентов от общей численности правоохранительных органов на предвоенный период. Это немного, и глобально изменить работу российской полиции не может.

В МВД время от времени продолжают говорить о кадровом дефиците, но здесь важно понимать следующее. Кадровый дефицит в районе 10 процентов — это нормальная ситуация для российских правоохранительных органов. Связано это с очень длинной процедурой принятия на работу. Она может занимать три-четыре месяца, а в некоторых случаях на все согласования и комиссии уходит полгода или даже год. Особенно если человек устраивается на работу в полицию в райцентре. И если не за каждой, то за целым рядом бумаг нужно приехать в региональный центр, часто не раз.

Война и дефицит кадров отразились на качестве работы МВД

Сергей Бабинец. Послаблений в наборе полицейских стало много. Например, снизили возрастные пороги, отменяют испытательные сроки, разрешили с криминальной историей[1] служить, несколько лет назад отменили личное поручительство при поступлении на службу и так далее.

Другими словами, в МВД принимают косметические меры, но не чинят ущербный механизм глобально. Процесс упрощения поступления на службу начался не вчера, но СВО его ускорила.

Качество расследований всегда было шаблонным. Людей в следствии меньше, что дает нам повод ожидать ухудшения, но и дел сейчас меньше — из-за оттока фигурантов на СВО. Мы из статистики видим, что дел в суды поступает с каждым годом меньше, регистрируется сообщений о преступлениях — тоже.

Мы знаем, что основной недостаток кадров приходится на патрульных, участковых и людей, занимающихся расследованиями. Там некомплект от четверти до половины кадрового состава. Недостатка в начальниках нет, страдают в основном те, кто работает «на земле».

Одно дело — требовать ста раскрытых дел от десяти сотрудников, другое — от пяти. Давление растет, и людям тяжело.

При этом в полицию не берут кого попало, это тоже очень сильное упрощение. Но то, что ощутимо снизили требования и вызвано это кадровым голодом, — факт.

Кирилл Титаев, профессор социальных наук Факультета свободных искусств и наук (Черногория). Фото: Открытый университет

Кирилл Титаев. Основная масса вновь нанимаемых сотрудников МВД — это рядовой и сержантский состав, по нему очень сильно сократился входящий поток, и довольно сильно он изменился качественно.

Раньше типовая карьера, допустим, у выходца из деревни или из небольшого города была такой: армия, потом полиция. После срочной службы, не имея сильно больших проблем с алкоголем и веществами, не имея психологических противопоказаний, можно было вполне устроиться на работу в ППС на вполне нормальную зарплату.

Сейчас же в подавляющем большинстве отслужившие молодые люди по возможности остаются в зоне СВО и, соответственно, не приходят на отборочные комиссии МВД. Их места занимают другие люди. Есть отзывы о том, что это люди несколько, простите, «низшего качества». Есть какие-то вещи, на которые раньше глаза не закрывали, а сейчас приходится это делать. В первую очередь речь идет о здоровье и психологической годности. Ведь вакансии должны быть хоть как-то заполнены.

Плюс некоторое количество отслуживших в армии, прошедших войну и по каким-то причинам демобилизовавшихся с сохраненным здоровьем тоже пробует устраиваться на работу в полицию. Зачастую имея существенные проблемы в области ментального здоровья, проблемы, связанные с последствием участия в боевых действиях.

И как раз рядовой, сержантский состав — то, где заметно отразился некоторый отток кадров. Это

люди, которые работают в ППС и занимаются охраной общественного порядка. Но насколько велик был вклад ППС в поддержание порядка до войны, довольно спорный вопрос. Сейчас же патрульных стало меньше, и люди могут, например, заметить, что время реагирования полицейских на сообщения о происшествиях увеличилось.

Дела о мошенничестве испортили статистику, это может привести к перестройке системы учета МВД

Сергей Бабинец. Профилактическая работа идет полным ходом. Сейчас, даже когда приходишь в отдел МВД ставить штамп о регистрации, тебе под роспись дают буклет о том, как вести себя в случае звонков мошенников; у них появились прямые обязанности по сквозной и прямой профилактике. Государство делает для этого крайне много.

Другое дело, что мошенники отлично адаптируются и генерируют новые легенды с такой скоростью, что успеть за ними невозможно, не говоря о том, чтобы прогнозировать и опережать. Сейчас системы защиты ставят и банки, и операторы связи, наклейки висят в общественном транспорте, оповещения в магазинах — но общий уровень недоверия к государству таков, что и здесь люди видят подвох и лишний раз игнорируют предупреждения.

Кибермошенничества сложны для полиции по двум причинам: во-первых, это сложность расследования (и технически, и искать преступников за границей), а во-вторых, высокая вероятность получить «висяк».

Полиция такие кейсы не любит, потому что не может с ними адекватно справляться.

В отчетность правоохранительных органов — и не только полиции — входит борьба с киберпреступностью, но ее проще не регистрировать, чем постоянно получать нагоняй за плохую работу. Полиция и до СВО с этим не справлялась, что уж говорить сейчас, когда это разрослось, как грибная полянка после дождя. Пик начался в ковид, и уже тогда мы понимали, что латентность такой преступности высокая, а выхлопы с точки зрения результатов — ничтожные.

Кирилл Титаев. В работе полиции много лет был великий и могучий жупел под названием «раскрываемость». Ее считали более или менее по всем преступлениям. Если вы откроете любой протокол встречи министра внутренних дел с президентом, вы увидите, что там фигурирует именно этот показатель — раскрываемость преступлений.

Это порождало необходимость держать статистику раскрываемости на каком-то определенном уровне. Она прыгала в диапазоне 40-60 процентов в зависимости от года и региона. Зацикленность на статистике порождала сложности с регистрацией заявлений. Понимая, что в будущем преступление вряд будет раскрыто, полицейские всячески старались избежать его регистрации. И особенно это практиковалось при мошенничествах. Полицейские ссылались на гражданско-правовые отношения и посылали потерпевшего добиваться правды в суде.

И тут пошла волна телефонных мошенничеств, кажется, сейчас это больше, чем вся остальная преступность, взятая вместе. Их, как прежде, раскрыть невозможно, но при этом полиция стала такие преступления регистрировать — и показатель раскрываемости поплыл. Теперь на коллегии МВД просто не сможет дать красивую картинку по раскрытым преступлениям, потому что мошенники полиции все подпортили.

Мы пока не понимаем как, но эта история сильно изменит подход МВД к работе со своей статистикой. Есть все основания полагать, что из-за мошенничеств в ближайшие три-пять лет будет некоторая существенная перестройка вообще со всей системой учета статистики.

Писать о пытках в полиции стали реже; люди боятся обращаться к правозащитникам за помощью

Сергей Бабинец. Пыток не стало больше, если мы говорим чисто про полицейское и пенитенциарное насилие. Среди военных же сам контекст способствует тому, чтобы стало больше жестокости, но это уже другой разговор.

Появился новый фактор, которого не было раньше, — СВО. Конечно, на ее фоне растет уровень агрессии, расширяются рамки допустимого, особенно если мы говорим про пытки подчиненных и военнопленных. Но многие вещи и события остаются недоступными нам, и мы это не можем проанализировать.

Но что мы точно можем сказать, так это то, что уровень насилия и толерантности к нему в обществе стал кратно выше. И последствия этого феномена рано или поздно проникнут во все сферы нашей жизни. Поэтому ждать роста насилия в полиции тоже разумно. Вдобавок к тому, что часть вернувшихся с СВО пойдут устраиваться в правоохранительные органы, а значит, принесут с собой опыт, полученный в зоне боевых действий, и ПТСР.

Большой и единой статистики пыток нет, но мы фиксируем меньше сообщений о пытках. Это не говорит о том, что пытать стали меньше, это скорее история о том, что правозащита стигматизирована («иноагентские» статусы, ответственность третьих лиц, риски штрафов и тому подобное): люди боятся идти за помощью к НКО, а государство — и это общий вайб — больше не защищает людей. То есть податься за защитой некуда, а следовательно, многие даже пытаться не будут.

О пытках меньше пишут, а если и пишут, то очень сухо и кратко — и у нас есть об этом исследование-. Вдобавок очень сильно сократился сектор СМИ, в первую очередь тех, кто писал про пытки и права человека. Почти все региональные СМИ в России сейчас выживают на дотации из бюджета и теперь не могут критиковать местные власти, а значит, про пытки в местном отделе полиции уже не напишут.

В то же время аудитория правозащитных СМИ и организаций просто устала от такого количества однотипного контента о насилии и больше его не воспринимает. А люди, далекие от этого в принципе, подобными материалами не заинтересуются.

На фоне этого кажется, что насилие рутинизировано, и оно растворяется в потоке новостей поважнее. Конечно, один условный «Крокус»[2] соберет больше просмотров и вызовет больше обсуждения — о нем пишут. А о 100500-й оплеухе или «слонике»[3] в полиции — нет.

С другой стороны, если пытка нетипичная, то есть пострадал от нее не очередной рецидивист, а, например, ребенок или другое уязвимое лицо (мы видели новости о насилии в интернатах и больницах), то это сразу обретает огласку и показывает нам, что насилие существует в разных местах и его агентами могут быть далеко не только люди в погонах.

Сергей Бабинец, глава «Команды против пыток». Фото: Сергей Бабинец / Facebook

Сергей Бабинец. Портрет среднестатистической жертвы пыток плюс-минус стабилен от года к году и не поменялся с начала СВО. Это люди достатка среднего и ниже, с не очень хорошим образованием, с не очень мощными социальными и финансовыми ресурсами.

Мы должны всегда помнить, что у правоприменения есть, если упрощать, три области: обычная преступность, преступность, неожиданно выстрелившая в медиа, и преступность, «генерируемая» или приоритизируемая государством по политическим причинам. То есть существуют бесконечные наркопреступления, есть [Михаил] Ефремов, убивший человека на дороге, и есть «фейки» об армии.

И эти три области существуют каждая по своим правилам. И первая область — самая масштабная. Ею как раз в большинстве случаев и занимается полиция, а не тот же СК или ФСБ. Тысяча дискредитаций, одна обманутая [Лариса] Долина и сотни госизмен не создают даже близко сравнения с сотнями тысяч краж и наркотиков.

Поэтому, грубо говоря, количественно политических и резонансных дел вместе с их фигурантами никогда не будет больше обычных средних преступлений.

Политактивисты — между прочим, далеко не все — как заявляли о пытках раньше, так и сейчас заявляют. Фигуранты краж как заявляли раньше о пытках, так и делают это сейчас. В этом смысле от пыток обезопашены как раз те, кто попадает в категорию условных «ефремовых». Остальные же находятся в прежней группе риска.

Другое дело, что есть составы, которые государство считает для себя крайне опасными: «фейки» об армии, «дискредитация» вооруженных сил, различные оправдания терроризма и экстремизма.

И по ним мы видим, что огромное порицание государства рождает у обывателя представление о том, что фигуранты таких дел если не отбросы, то точно лица, не заслуживающие жалости.

И правоохранители это считывают. В лучшем случае к ним относятся так себе, в худшем — оправдать пытки в отношении них им, конечно же, легче. История с отрезанным ухом после теракта в «Крокусе» — тому очевидный пример.

Озлобила ли СВО силовиков? Скорее, измотала. Мы всегда отдаем себе отчет в том, что большинство полицейских вполне себе нормальные люди, достойно выполняющие свою работу. Таких сотни и тысячи по всей стране. Они измотаны. А злоба и производство насилия — хоть это и не порицается системой, к сожалению, — все же не самая повально распространенная история.

В обществе растет уровень насилия и толерантности к нему, это неизбежно увеличивает и работу обычному полицейскому, которому чаще приходится ездить на драки и поножовщину. И зачастую такая работа заканчивается ничем (например, если фигурант уехал на СВО). В этой ситуации разочароваться в профессии, выгореть и устать очень и очень легко. Плюс отток кадров усугубляет ситуацию. Человек работает за нескольких своих коллег.

Уровень жестокости в обществе и бездействие государства создают простор для самоуправства

Сергей Бабинец. Мы точно знаем, что порой государство само стимулирует создание таких группировок, которые действуют как бы «самостоятельно», но на деле эти товарищи зависят от агентов государства. То есть не то чтобы полиция оставляет им поле для работы, которое они, как добрые самаритяне, заполняют по собственной воле — тут все несколько сложнее.

Уровень жестокости в обществе растет, люди видят, что государство бездействует, и это потенциально создает простор для самоуправства и объединения людей не только на националистической почве — ксенофобы, люди, злоупотребляющие антимигрантской риторикой — но и по другим признакам: женоненавистники и противники ЛГБТ.

В некоторых случаях государство еще и активно подпитывает мифы, сеющие рознь (например, миф о высокой опасности мигрантов). На фоне формирования новых элит это просто может плохо кончиться. И это не история про нехватку кадров в полиции, это история о том, что когда-то может получиться так, что государство может не справиться с новообразовавшимися источниками насилия, создание которых оно сейчас поощряет.

Политинформации стало больше: полицейским рассказывают, как надо относиться к войне

Кирилл Титаев. Что важно понимать про нормального полицейского доковидного и довоенного образца: это был очень сильно перегруженный человек не самых высоких интеллектуальных качеств. С ненулевой вероятностью отягощенный семьей и, в общем-то, за политикой не следящий.

Для него нормально, что есть государство, а все, что ему противостоит, — это наверняка преступники. Государство у нас четко олицетворяется конкретным физическим лицом. То есть это неполитизированные люди, совершенно некритично воспринимающие любую авторитарную модель, если она стабильна. Это не российский феномен, при любом стабильном авторитаризме правоохранительные органы будут работать так же.

Что я наблюдал до войны в продвинутых отделах раньше? Вот проходит три президентских мероприятия в год: «Прямая линия», большая пресс-конференция и послание к Федеральному Собранию. И вот замполит после этих мероприятий садится и пишет некоторый конспект, выделяет основные мысли, посылает их на утверждение в областной отдел. Как правило, получает добро, и потом на основе этих тезисов строится годовой план занятий с личным составом.

Что произошло за последнее время, из-за чего все [полицейские] воют волками? Количество часов на политинформацию очень сильно увеличилось.

Спрос на политруков (в МВД должность, как правило, называется «замначальника отдела по воспитательной работе») резко растет, это мы видим по профильным сайтам. Судя по всему, примерно вдвое-втрое решили увеличить их количество.

И поступают прямо отдельные жалобы от полицейских о том, что на политучебу может отводиться, скажем, десять рабочих часов в неделю. То есть раньше было одночасовое, а стало пять двухчасовых. Получается, что каждый день полицейские по два часа слушают политинформацию. При таком количестве занятий какие-нибудь куски и устойчивые [пропагандистские] обороты у вас в голове остаются.

Причем люди, которые это рассказывают, часто обладают хорошими риторическими навыками. Они рассказывают про противостояние с НАТО, про «можем повторить» и тому подобное. Такие вещи можно рассказывать очень бодро и увлекательно. И это, как бы, и для всех участников такого мероприятия гораздо веселее, чем зубрить закон о полиции.

В итоге мы имеем деполитизированного, не следящего ни за какой повесткой, но очень качественно индоктринированного человека, для которого само существование альтернативной точки зрения является в общем шоковой вещью.

Сергей Бабинец. Общие настроения уловить и измерить очень сложно. Но мы, когда общаемся с правоохранителями, видим в том числе усталость и безысходность. Все понимают, что дальше будет

хуже. Финансирования в реальных деньгах меньше, требования выше, кадров меньше. У нас нет поводов для оптимизма.

Но есть и другой важный фактор: это разочарование в профессии. Многим сотрудникам сложно видеть, как рушится сама идея справедливости и правосудия. Фигуранты дел уходят на СВО, и это явление, судя по всему, обретает массовый характер, а пострадавшие остаются без сатисфакции. И это неизбежно создает ощущение бессмысленности работы.

Но одновременно с этим у оставшихся высок уровень конформизма — человек привыкает ко всему, и если люди остаются до сегодняшнего дня работать в этой системе, то либо они пытаются выжать лучшее из имеющегося, либо свыкаются с новыми правилами игры и выбирают мириться.

На МВД свалились дела выступающих против войны россиян, но на работе полиции это почти не отразилось

Сергей Бабинец. Искать «дискредитации» — удел небольшой группы правоохранителей, говорить о том, что это задело каждого полицейского в стране, нельзя. Мы должны всегда помнить, что «фейков» и «дискредитаций» сотни, а краж и наркотиков сотни тысяч.

В этом смысле новые правила игры появились только у отдельных сотрудников.

Но есть и новинки: теперь мы знаем, что у отдельных подразделений полиции появилась обязанность искать кандидатов на СВО. А где новые требования — там и новые «палки».

Кирилл Титаев. Если говорить о повседневной жизни реального полицейского в городе с населением от ста тысяч человек до миллиона, то есть о типичном сотруднике в типичном российском городе, то для него глобально ничего не изменилось.

Но чем крупнее город, чем сложнее район, тем выше вероятность, что [борьба с инакомыслием] будет. Мне известны случаи, когда что-то подобное поручали участковым. Они и так замученные, ведут почти два десятка журналов, а им поручают еще один: завести журнал о людях, склонных к антигосударственным правонарушениям.

Централизованного приказа, конечно, нет, это творчество на местах. Ну, то есть «эшники» и ФСБ составляют список таких потенциальных правонарушителей, а участковые потом ходят к ним в гости, ведь именно им могут спустить наблюдать за людьми с антивоенной позицией.

И участковые в восторге от таких новых обязанностей. Самые грамотные говорят, типа: окей, тогда снимите с меня другие обязанности. Я знаю один кейс, где в одном из крупных городов участковые таким образом отбились от обхода подвалов. Ведь гораздо приятнее сидеть в теплой квартире у оппозиционера и пить чай, чем лазить по подвалам.

Редактор: Мария Климова

1. Разрешили служить тем, у кого в прошлом было возбуждено дело частного обвинения, но оно было прекращено за примирением сторон более чем три года назад.

2. Теракт в «Крокус Сити Холле» произошел 14 марта 2024 года. В результате атаки террористов погибли 150 человек.

3. Пытка, при которой на человека надевают противогаз и не дают нормально дышать.